F 84/18

F 84
18

МЫСЛИ

О СУЩЕСТВѢ И ЗНАЧЕНІИ

ЧИНОВНИЧЕСКАГО БЫТА.

18

X 81
18

МЫСЛИ

О СУЩЕСТВѢ И ЗНАЧЕНІИ

ЧИНОВНИЧЕСКАГО БЫТА.

СОЧИНЕНІЕ

ЭРНСТА РЕЙНТАЛЯ,

Дерптскаго окружнаго начальника управленія Государственныхъ имуществъ въ Лифляндіи, Члена ученаго эстскаго общества и лифляндскаго къ поощренію сельскаго хозяйства и ремеслъ.

Перевелъ съ нѣмецкаго

О. МАЗИНГЪ.

Дерптъ, 1846 года,

въ Типографіи Генриха Лаакмана.

Печатать позволяется.

Цензоръ *М. Розбергъ.*

Дерптъ, Января 5го дня 1846го года.

2007096429

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Небольшая статья сія, составленная въ родѣ краткихъ разсужденій, есть плодъ собственныхъ наблюденій и опытовъ сочинителя, созрѣвшій въ продолженіе двадцатидевятилѣтней службы. Цѣль моя та, чтобы указать юношамъ, приготовляющимся ко вступленію въ государственныя должности, на требованія Государя, правительства, будущихъ сослуживцевъ и сограждан отъ ихъ нравственныхъ и умст-

венныхъ силъ; и намекнуть, сколь велико должно быть ихъ стараніе, чтобы вполнѣ соотвѣтствовать, въ духѣ чести и долга, сему требованію. — Для сочинителя послужитъ великой наградою, если онъ успѣетъ побудить и немногихъ: сдѣлаться вѣрными посредниками между правительствомъ и народомъ, совершенно понимать и достичь своего назначенія.

Дерптъ, Января 1го дня 1846. года.

МЫСЛИ О СУЩЕСТВѢ И ЗНАЧЕНІИ ЧИНОВНИЧЕСКАГО БЫТА.

I.

Въ каждомъ государствѣ, безъ различія образа правленія, встрѣчаемъ мы два главныя начала: правительство, въ лицѣ начальствующаго, облеченнаго во власть законодательную, судейскую, распорядительную и исполнительную — и народъ.

Чтобы достичь цѣли государства, т. е. чтобы осуществить и споспѣшествовать благоденствію всѣхъ и каждаго изъ гражданъ, чрезъ умственное и вещественное развитіе, чрезъ открытіе и обезпеченіе путей къ пріобрѣтенію законныхъ средствъ пропитанія

въ кругу сельскаго хозяйства, торговли, ремеслъ, наукъ и художествъ; чтобы, наконецъ, сохранить спокойствіе и порядокъ внутри, уваженіе и достоинство внѣ государства: — оба помянутыя начала — правительство и народъ должны дѣйствовать совокупными силами.

Но какъ правительство и народъ существуютъ отдѣльно другъ отъ друга, то опредѣленіе такой точки соединенія и совокупнаго дѣйствія очень трудно.

Съ тѣхъ поръ, какъ патріархальный образъ правленія древнихъ временъ, державшійся на самыхъ простыхъ основахъ, соотвѣтствовавшихъ первоначальному состоянію рода человѣческаго и ограниченныхъ самосохраненіемъ, — съ тѣхъ поръ, какъ этотъ образъ правленія уступилъ развившейся мало по малу гражданственности, явились два вышеозначенныя понятія — правительство и народъ — тѣмъ большими противоположностями, чѣмъ необходимѣе оказалось множество постановленій и законовъ, необходимыхъ при разительныхъ успѣхахъ земледѣлія, наукъ и художествъ, содержаніи постоянныхъ войскъ, быстромъ ходѣ духа времени,

обнаружившемся въ разныхъ видахъ образованія — истиннаго, ложнаго, излишняго, — эти новыя учрежденія, коихъ сохраненіе правительство вмѣнило себѣ въ обязанность, поддерживая ихъ иногда даже и сильными мѣрами, народъ не рѣдко почиталъ гнетомъ и притѣсненіемъ.

Если, по-сему, уже естественный ходъ дѣла произвелъ замѣтное отчужденіе двухъ вышеозначенныхъ началъ — правительства и народа, повелѣніями съ одной и повиновеніемъ съ другой стороны, то отчужденіе это сдѣлалось въ новѣйшее время еще значительнѣе притязаніемъ на вящшее повиновеніе; — и точка соединенія ко взаимному дѣйствію для достиженія вышепредположенной государственной цѣли была бы невозможна, если-бы не нашлось званія, которое, съ одной стороны, находясь въ родственныхъ связяхъ съ народомъ, опираясь на него и существуя въ ономъ, а съ другой стороны содержимое правительствомъ, какъ его орудіе, — не пеклось о связи правительства съ народомъ, устраняя отчужденіе и стараясь упрочить государственный порядокъ и привести все въ благоустроенное цѣлое.

Званіе это, какъ звено между правительствомъ и народомъ, образуютъ чиновники.

2.

Отъ высшаго чиновника, облеченнаго во весь блескъ своего сана, до чиновника низшей степени, — каждому вмѣняется въ долгъ: всѣми силами печься о поддержаніи союза между правительствомъ и народомъ, и стать посредникомъ между сими противоположными началами.

А потому чиновникъ долженъ исполнять всѣ на него возложенныя обязанности съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы неутомимо укрѣплять и поддерживать согласіе между правительствомъ и народомъ.

Если и предположить, что правительство, въ истинномъ смыслѣ онаго, руководствуется мудростію, силою, правосудіемъ и любовью къ подданнымъ, однако-жъ время и обстоятельства требуютъ иногда мѣръ, притѣснительныхъ то для цѣлыхъ областей, то для отдѣльныхъ сословій и лицъ въ народѣ, между тѣмъ, какъ этѣ мѣры, разсматривая оныя съ высшей точки государст-

венной пользы, благодѣтельны въ общемъ объемѣ. Но здѣсь дѣло зависитъ отъ того, какъ поступаютъ чиновники, исполняя необходимыя условія или съ кротостію и человѣколюбіемъ, соединеннымъ однако-жъ съ твердостію и рѣшительностію, — или съ несвоевременною рачительностію и жестокостію, присовокупляя къ нимъ даже поруганіе и производя чрезъ то ненависть, озлобленіе и презрѣніе людей въ началѣ къ себѣ, а потомъ и къ правительству, коего орудіемъ они были. Исторія всѣхъ временъ доказываетъ, что неудовольствіе, заразительное зло, происходящее отъ неблагоразумныхъ и безпощадныхъ дѣйствій чиновниковъ, производитъ во всѣхъ гражданахъ ожесточеніе, которое обнаруживаясь при малѣйшемъ поводѣ, нерѣдко превращается въ общее возмущеніе.

Лишь въ случаѣ явнаго неповиновенія и буйнаго противоборства начальству, или рѣшительнаго сопротивленія законному порядку снисхожденіе и кротость чиновниковъ не у мѣста. Здѣсь они должны развить всю ввѣренную имъ силу и достоинство къ неуклонному дѣйствію, противопоставляя величіе правленія беззаконной силѣ и соединяя

съ принятыми мѣрами быстроту и осмотрительность. Нерѣшительныя мѣры, въ такомъ случаѣ, губительнѣе всего.

3.

Не только въ подобныхъ безпорядочныхъ явленіяхъ государственнаго быта, но уже и въ правильномъ составѣ онаго необходимы вещественныя, нравственныя и умственныя качества, безъ коихъ ни одинъ чиновникъ обойтись не можетъ, смотря на кругъ его дѣйствія и на требуемыя съ него обязанности.

Въ отношеніи тѣлесныхъ свойствъ вообще, онъ не долженъ быть неспособнымъ къ завѣдыванію должностью — по недостатку одного или другаго чувства, или по несовершенству того или другаго члена. Потому не надо опредѣлять заикливаго профессоромъ, глухаго допрощикомъ, хромаго сторожевымъ, — между тѣмъ, какъ каждый изъ нихъ, въ соотвѣтственномъ кругу дѣйствія, на прим. заикливый въ качествѣ редактора важныхъ журналовъ, глухій въ качествѣ сочинителя, слѣпой въ государственномъ совѣтѣ, хромый

въ званіи судьи, — могутъ отличаться службою, если они обладаютъ умомъ и дарованіями.

Безобразная и незначительная наружность не должна никогда быть единственною причиною отказа въ опредѣленіи къ должности человѣка, впрочемъ, способнаго. Часто подъ суровою, незначительною наружностію скрывается благороднѣйшая душа!

4.

Нравственныя качества чиновника должны быть слѣдующія:

1) Непоколебимая любовь къ истинѣ и вѣрность, соединенная съ такою добросовѣстностію, коей неотменная потребность та, чтобы дать Владыкѣ Владыкъ, Царю Царей строгій отчетъ во всѣхъ поступкахъ.

2) Искренность, безъ притязанія, вѣжливость и откровенность къ начальникамъ, твердость и снисхожденіе къ подчиненнымъ.

3) Спокойная твердость и неутомимая дѣятельность въ исполненіи своего долга.

4) Неподкупность въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова.

Тотъ, кто обладаетъ исчисленными здѣсь качествами, поступая добросовѣстно, по внушенію оныхъ, докажетъ свою способность во всякомъ положеніи своего призванія, поколику нравственность съ нимъ нераздѣльна.

Но сколь рѣдко встрѣчаемъ мы всѣ эти качества въ одномъ и томъ же лицѣ!

Любовь къ истинѣ сохраняетъ и укрѣпляетъ довѣренность, между тѣмъ, какъ первая ложь, первое искаженіе правды, можетъ статься, навсегда разрушаетъ ее. Преданность къ высшимъ сохраняютъ нѣкоторыя лица только до тѣхъ поръ, пока счастье первыхъ не исчезло; съ счастіемъ падаетъ и ихъ личина, и не краснѣя оставляютъ они своихъ прежнихъ покровителей, или помогаютъ топтать ихъ въ прахѣ. — Кто не вспомнитъ здѣсь о *Талейранѣ*, служившемъ, при блистательнѣйшихъ дарованіяхъ и отличнѣйшемъ знаніи дѣла каждой изъ французскихъ властей только до тѣхъ поръ, пока онѣ были въ славѣ и силѣ. И неужели мы не встрѣтимъ еще такихъ людей, которые сурово и безпощадно удаляются отъ падшихъ любимцевъ счастія, коихъ они не задолго предъ тѣмъ увѣряли въ непоколебимой дружбѣ? Да

падетъ срамъ и презрѣніе на сей коварный родъ! Они враги человѣчества, ибо научаютъ земныхъ властителей презирать подвластныхъ имъ, коихъ они собственно обязаны любить какъ ближнихъ. Чѣмъ бо́льшими дарованіями обладаютъ эти лица, тѣмъ продолжительнѣе обольщеніе. Горе тому государю, горе вельможѣ, которые предаются въ ихъ руки! Менѣе даровитые изобличаютъ себя скорѣе, а потому не могутъ долгое время избѣгать презрѣнія.

Спесь принадлежитъ къ недостаткамъ наиболѣе обыкновеннымъ чиновниковъ. Мы видимъ ее то въ подчиненномъ, относительно начальника и вообще высшихъ особъ, то въ начальникѣ, относительно подчиненныхъ и низшихъ, или, наконецъ, относительно всякаго. Спесь, въ первомъ случаѣ, сопряжена съ властолюбіемъ, упрямствомъ, непреклонностію. Люди такого рода часто правилъ честныхъ; они строги въ исполненіи обязанностей предоставленнаго имъ званія, благосклонны и снисходительны къ подчиненнымъ; и, между тѣмъ, какъ ихъ обожаютъ сіи послѣдніе, становятся они въ тягость своимъ начальникамъ непреклонностію права.

Если они вынуждены сознаться въ духовномъ перевѣсѣ и высшихъ достоинствахъ начальниковъ, то это маленькое смиреніе служитъ нерѣдко къ исправленію ихъ, а время остается также не безъ вліянія.

Спесь къ подчиненнымъ обыкновенно слѣдствіе бездарности и ограниченности. При душевной добротѣ и справедливости, этотъ недостатокъ еще сносенъ; но какъ спесивый здѣсь теряетъ уваженіе и любовь подчиненныхъ, лишаясь съ тѣмъ вмѣстѣ нужной для него подпоры, то онъ не можетъ держаться, и вся спесь для него безъ малѣйшей пользы. Если же чиновникъ спесиваго права соединяетъ съ собственною бездарностію безнравственность, до онъ дѣлается настоящимъ бичемъ для подчиненныхъ и встрѣчаетъ въ дѣлахъ съ другими безпрестанную холодность и сопротивленіе. Чиновники съ такою склонностію показываютъ часто смиренную, пресмыкающуюся покорность къ начальникамъ, стараясь, при собственномъ ничтожествѣ, найти себѣ подпору въ нихъ. Таковая черта есть однако отпечатокъ совершеннаго разврата и неспособности къ достиженію предположенной чиновническому

званію цѣли. Что было бы на прим. присутственное мѣсто, коего главою, по несчастливому выбору, былъ бы чиновникъ такого рода? ибо, по естественному ходу дѣлъ, цѣлое присутствіе не могло бы не примѣняться къ предсѣдательствующему. Никогда не могло бы оно осуществить той мысли, по которой чиновники необходимые и естественные посредники между правительствомъ и народомъ.

Третій родъ спеси обыкновенно неизлечимая болѣзнь, при которой никого не должно бы опредѣлять къ должности. Даже при отличнѣйшемъ умѣ и особенныхъ дарованіяхъ она очень легко производитъ замѣшательство, ибо чиновникъ съ такою спесью повсюду имѣетъ въ виду только самаго себя, и нерѣдко кончаетъ поприще въ — домѣ ума лишенныхъ.

Если спокойная, твердая и постоянная дѣятельность украшаетъ чиновника и споспѣшествуетъ дѣлопроизводству, то безпокойная, непостоянная расторопность искажаетъ и пріостанавливаетъ ходъ дѣлъ. Она свойственна мѣлкимъ душамъ, ставящимъ наружный видъ выше сущности, въ слѣдствіе

чего онѣ, крайне затрудняя подчиненныхъ наблюденіемъ перваго, на дѣлѣ никогда не успѣваютъ. По истеченіи долгаго или короткаго времени, они устаютъ отъ собственной многодѣятельности, и, удаляясь, презрѣнные, оставляютъ нерѣдко свои запущенныя дѣла въ самомъ печальномъ положеніи.

Мы встрѣчаемъ подкупъ въ безсмѣтныхъ видахъ; его можно однако раздѣлить на три разряда, на явный (grobe), хитрый и хитрѣйшій.

Къ явному подкупу принадлежатъ подарки разнаго рода, опредѣленіе къ должности, приказы или тайныя наставленія безсовѣстныхъ и наглыхъ начальниковъ, однимъ словомъ каждая въ глаза бросающаяся, обѣщанная выгода или угрожаемый вредъ.

Хитрые подкупщики прибѣгаютъ къ человѣческимъ слабостямъ: къ лѣности, суетности, честолюбію, и дѣйствуютъ иногда столь искусно и скрытно, что даже самый бдительный и безпристрастный наблюдатель часто не замѣчаетъ поставленной западни. — Тотъ, кого не могутъ прельстить богатые обѣды, вечера, разглашеніе его истинныхъ и мнимыхъ заслугъ, не устоитъ можетъ быть

противъ высказанной безъ намѣренія лести важной особы съ вліяніемъ, или случаю сблизиться съ таковымъ лицемъ.

Къ сему роду принадлежитъ вліяніе знатныхъ и остроумныхъ женщинъ, царицъ блестящихъ салоновъ и обществъ. Кто не преклоняется охотно предъ ними; кого не увлечетъ очарованіе, распространяемое пріятностію и прелестью, соединенныхъ съ остроуміемъ и дарованіями, блестящими въ кругу высшей образованности! Нѣжнѣйшія ручки часто ставятъ здѣсь сѣти, которыхъ иногда и остроумнѣйшіе дипломаты не могутъ избѣжать.

Самые хитрые подкупщики дѣлаютъ нападеніе на благороднѣйшія сокровища, хранящіяся въ человѣческой груди, — на связи любви, родства и дружбы, наконецъ на уваженіе къ истиннымъ заслугамъ. — Пусть тотъ испытаетъ силу своей души, кого несчастливый случай поставилъ на мѣсто *Брута*, подвергшаго своихъ дѣтей подъ сѣкиру палача! — Римская пословица гласитъ: Fiat justitia, pereat mundus! Христіанская вѣра допускаетъ можетъ статься измѣненіе оной въ: Fiat justitia, vivat mundus!

5.

Повсюду встрѣчаемъ мы людей, расположенныхъ къ религіозному и политическому мистицизму, и готовыхъ во всякое время сдѣлаться учредителями или членами тайныхъ обществъ, незаконныхъ братствъ и союзовъ. Они обыкновенно находятъ приверженцевъ между людьми, которые, истощенные душей и тѣломъ отъ неумѣренныхъ наслажденій и переставшіе вѣровать въ Бога и внимать гласу совѣсти, несправедливы до того, что ищутъ причину своего разочарованія не въ собственной груди, но во внѣшнемъ мірѣ; — потомъ между искателями счастія и приключеній, которые легкомысленно расточивъ свое имущество, думаютъ поправить свои обстоятельства ниспроверженіемъ существующаго порядка; — наконецъ между раздражительными, алчущими нововведенія энтузіастами, жертвующими совѣстію, честью и даже жизнію изъ прихоти, сдѣлаться соучастниками воображаемыхъ утопій.

Если не присяга въ вѣрности, то уже чувство чести должно удерживать чиновника отъ малѣйшаго участія въ тайныхъ общест-

вахъ, вособенности, если они задуманы съ политическимъ направленіемъ, ибо страшась свѣта и гласности, они дѣлаютъ его слѣпымъ орудіемъ незрѣлыхъ и безпорядочныхъ думъ, основанныхъ нерѣдко на пустыхъ мечтаніяхъ. Горе ему, если онъ поддастся имъ! Клятвопреступленіе и измѣна отяготятъ его совѣсть; возвращеніе для него не возможно, если онъ не захочетъ опять сдѣлаться измѣнникомъ и клятвопреступникомъ противъ своихъ преступныхъ товарищей, ввѣрившихся ему; страхъ и отчаяніе его конечная участь!

Мудрое правительство стремится все совершенствовать; а истребляя охотно появляющіяся злоупотребленія и дѣлая улучшенія, оно принимаетъ съ готовностію хорошо обдуманныя и основательныя представленія на таковый конецъ, если они сдѣланы законнымъ путемъ. Благоразумный чиновникъ долженъ идти этой дорогой, не страшась и не медля, если чувствуетъ въ себѣ призваніе къ тому. При семъ, онъ долженъ избѣгать всякого ненавистнаго доноса, предоставляя это тѣмъ, кои согласились быть лазутчиками, — безъ коихъ и правительство не можетъ обойтись въ своемъ многосложномъ составѣ. Про-

тивопоставлять тайныхъ доносщиковъ вполнѣ развившемуся лицемѣрію и тайнымъ козиямъ можетъ быть нужно для открытія ихъ и для надзора. Но правительство должно быть крайне осторожно въ выборѣ таковыхъ орудій, коихъ необходимыя качества столько же полезны, сколько и вредны, наподобіе яда въ рукахъ врача.

6.

Въ отношеніи умственныхъ качествъ, долженъ каждый чиновникъ безъ изъятія обладать не только для наружнаго вида, но преимущественно и на дѣлѣ всѣми познаніями, нужными въ кругу его дѣятельности для успѣшнаго и приличнаго исполненія дѣлъ въ предоставленномъ ему званіи.

Если принять въ соображеніе, что, для пріобрѣтенія нужныхъ познаній въ разныхъ отрасляхъ наукъ: въ богословіи, правовѣденіи, врачебномъ искуствѣ, камеральныхъ, естественныхъ, военныхъ и дипломатическихъ наукахъ, по предварительномъ окончаніи начальнаго ученія, необходимы четыре и болѣе года прилежныхъ занятій въ универ-

ситетѣ, въ тѣхъ лѣтахъ, гдѣ понятливость и память сильнѣе всего, — и что въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не достаточно если отличные профессоры и учители сообщаютъ свои познанія учащемуся юношеству въ однихъ лекціяхъ, а напротивъ должны быть безпрерывныя умственныя сношенія между преподавателями и слушателями посредствомъ пріятельскихъ разговоровъ и обхожденія, чтобы мудрость наставника переходила къ воспитаннику двоякимъ путемъ, и понятая при непосредственномъ вліяніи учащимся, сдѣлалась богатымъ достояніемъ послѣдняго, — наконецъ для учащагося необходимъ еще доступъ къ богатымъ библіотекамъ, для узнанія и другихъ мнѣній по изучаемому предмету, и для развитія критическаго дарованія — важнаго въ каждой наукѣ; — — если, какъ сказано, принять въ соображеніе все это, то легко можно понять, что нужно весьма много, чтобы сдѣлаться знатокомъ въ какой бы то ни было отрасли управленія, и что произвольное замѣщеніе должностей лицами, не занимавшимися основательнымъ изученіемъ своего предмета, и не подвергавшими свои свѣденія

испытанію, — ошибка, которой должно избѣгать каждое высшее начальство, коему предоставлено право замѣщать должности.

Чиновникъ въ высшемъ кругу государственной службы долженъ обладать, сверхъ означенныхъ начальныхъ и ученыхъ познаній, еще тѣмъ общимъ всеобъемлющимъ образованіемъ (Universalbildung), которое, въ соединеніи съ счастливымъ даромъ, — вѣрно понимать людей и время и пользоваться ими, и поддерживаемое безпрестаннымъ занятіемъ по части наукъ, пріобрѣтаетъ для него богатство мыслей, достаточное на то, чтобы производить геніальныя творенія и споспѣшествовать развитію высшихъ и вещественныхъ силъ государства.

Призваніе такого чиновника состоитъ въ томъ, чтобы творчески составлять и сохранять благодѣтельныя начала; между тѣмъ, какъ дальнѣйшее и подробнѣйшее развитіе оныхъ предоставляется другимъ.

Въ среднемъ и низшемъ кругу государственной службы правительство нерѣдко вынуждено, по недостатку въ дѣльныхъ людяхъ, замѣщать должности лицами, принадлежащими къ другой отрасли дѣлъ, и не обладаю-

щими вообще высшимъ образованіемъ, которые, впрочемъ, съ ловкостію и умомъ умѣютъ примѣняться къ требованіямъ должности.

Если у нихъ достаетъ ума и осмотрительности, то они должны, именно въ первое время своей службы и до тѣхъ поръ, пока не поймутъ совершенно своего назначенія и цѣли, и пока не пріобрѣтутъ, постояннымъ занятіемъ, нужныхъ свѣденій — избѣгать всякаго поступка, привлекающаго на себя вниманіе другихъ, и всякаго неисправленія и измѣненія настоящаго порядка дѣлъ.

Если начальникъ присутственнаго мѣста и отдѣльной части управленія человѣкъ подобнаго рода, то его положеніе будетъ всегда непріятное и достойное сожалѣнія. Съ самымъ искреннимъ желаніемъ, съ величайшимъ напряженіемъ онъ рѣдко достигнетъ того, чтобы не впасть въ зависимость отъ того или другаго изъ своихъ подчиненныхъ. Чиновникъ съ дарованіями и ловкостію болѣе всѣхъ занимающійся въ присутствіи — часто секретарь или письмоводитель — становится двигателемъ цѣлаго дѣлопроизводства; не только подчиненные канцелярскіе служители,

но и члены присутствія обращаются къ нему за справками и объясненіями; публика раздѣлятъ вскорѣ общее мнѣніе съ присутствіемъ; — міръ опирается на ось, около которой вращается все. — Дѣлопроизводство находящееся въ столь жалкомъ положеніи бываетъ иногда сносное, даже и хорошее если такой чиновникъ человѣкъ безпристрастный и честный, — но уваженіе къ присутственному мѣсту теряется навсегда въ общественномъ мнѣніи; оно превращается въ презрѣніе, если этотъ чиновникъ человѣкъ нечестный.

Правительство и народъ достойнѣе сожалѣнія, если, по несчастной ошибкѣ, значительная отрасль управленія ввѣрена незнающему и полуобразованному чиновнику, безпокойнаго, властолюбиваго нрава, пристрастнаго къ нововведеніямъ. Онъ рѣшится, по врожденному влеченію на быстрыя дѣйствія, ниспровергнетъ, не взирая на представленія опытныхъ подчиненныхъ, настоящій порядокъ вещей и, будучи не въ состояніи замѣнить ниспровергнутаго чѣмъ-либо лучшимъ, приведетъ все въ замѣшательство и разстройство. Лица, которыя могли-бы сдѣ-

латься подпорами его должности и достоинства, придутъ въ отчаяніе непослѣдовательными дѣлопроизводствомъ, распоряженіемъ, измѣненіями и безпрестанною новизною, которыя не по ихъ силамъ, и коихъ неумѣстность они, какъ знатоки, легко понимаютъ — и видятъ себя наконецъ въ опасности быть наказанными и отрѣшенными отъ должности за неспособность и ослушаніе. — Но долго, коротко-ли правительство замѣтитъ свою ошибку и удалитъ безпокойнаго, неспособнаго начальника; однако пройдутъ годы пока послѣдніе слѣды разстройства дѣлъ изгладятся и пока довѣренность и достоинство присутственнаго мѣста возстановятся въ общественномъ мнѣніи.

7.

Ни одинъ чиновникъ не долженъ очень зависѣть отъ общественнаго мнѣнія, но и никто не долженъ пренебрегать имъ.

Слово: общественное мнѣніе обозначаетъ весьма многое, смыслъ его и вліяніе многосторонни и важны, а потому невозможно объяснить, что здѣсь подразумѣвается подъ онымъ.

Олицетворяя общественное мнѣніе, мы видимъ оное въ непосредственномъ сопровожденіи молвы, имѣющей свое начало повсюду и нигдѣ. То въ быстромъ полетѣ, то медленнымъ шагомъ является она въ чертогахъ и въ хижинахъ, въ храмахъ и на базарахъ. Уста ея произносятъ то громогласно, то змѣинымъ шипѣніемъ тайны глубоко хранящіяся, событія и небылицы, истину и ложь. — Примѣняясь къ ней, общественное мнѣніе слѣдуетъ ей по пятамъ, какъ отголосокъ звуку, какъ свѣтъ и теплота воспаляющей искрѣ, разсыпаясь въ похвалахъ, или осуждая, а въ послѣднемъ случаѣ какъ человитчикъ, свидѣтель и судья въ одномъ и томъ же лицѣ Съ вѣсами правосудія въ одной рукѣ, съ кровавымъ мечемъ въ другой требуетъ оно, чтобы каждый предсталъ къ его суду, ужаснѣйшему послѣ тайныхъ судилищъ среднихъ временъ, оказывая то небесное правосудіе, то сатанинское притѣсненіе. У Ахилла было одно мѣсто доступное уязвленію, у общественнаго мнѣнія нѣтъ ни одного. Безнаказанно распоряжается оно во всѣхъ странахъ и въ каждомъ народѣ; кто нападаетъ на оное, борется, подобно Донъ-Кихоту, съ

призракомъ. Не сраженіе, потерянное подъ Бель-Аліансомъ, ни истощенныя силы Франціи, но общественное мнѣніе осудило величайшаго героя нашихъ временъ къ всегдашнему пребыванію на одинокомъ островѣ, гдѣ погибъ блестящій метеоръ, наполнившій міръ блескомъ и изумленіемъ.

Ни одинъ чиновникъ не можетъ избѣжать соприкосновенія съ симъ тайнымъ существомъ — — съ общественнымъ мнѣніемъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ высше его санъ. Кто не примѣтитъ прежде всего башни, поставленной на высокой скалѣ, гдѣ порой вѣютъ тихіе зефиры, и шумятъ бури и непогода! — Лучшій щитъ противъ явнаго и тайнаго оружія общественнаго мнѣнія, непоколебимая честность, добросовѣстность въ исполненіи долга и благосклонность ко всякому. Если оно, не взирая ни на что, коварно нападетъ на чиновника съ своими козиями и ядомъ клеветы, дѣлая его подозрительнымъ у начальниковъ, лишая чести и мѣста, — то онъ долженъ почитать это несчастіемъ, грозою, градомъ, низпадающими на него! Онъ праведенъ предъ богомъ и собственной совѣстью, — вѣрный труженикъ въ вино-

градникѣ Господнемъ; — и долженъ мужественно переносить неизбѣжное. Нерѣдко наступаетъ время, въ которое самое существо, поправшее его, возвышаетъ его же и представляетъ, какъ побѣдителя съ лавровымъ вѣнкомъ, радостной толпѣ друзей и приверженцевъ. Но теперь обращаетъ общественное мнѣніе, какъ карающее правосудіе, свое мѣткое оружіе противъ презрѣнныхъ льстецовъ и лицемѣровъ, служившихъ орудіемъ къ погибели честнаго чиновника. Безпощадно бросается оно на нихъ, повергая ихъ въ прахъ, и, если предметъ важенъ, начертывая ихъ дѣянія, къ посрамленію имени и рода, на скрыжаляхъ исторіи человѣчества.

8.

Правительство часто въ необходимости, по встрѣчающимся или предполагаемымъ неисправности и пристрастіи мѣстныхъ присутствій и начальствъ, отряжать особенныхъ чиновниковъ въ отдаленныя области, для изслѣдованія политическихъ или другихъ проступковъ. Но оно, безъ сомнѣнія, выберетъ къ тому людей честныхъ, человѣколюбивыхъ,

умныхъ и ловкихъ. А симъ послѣднимъ вмѣняется въ обязанность избѣгать предразсудковъ и запятнанія совѣсти. Какъ бы не злобенъ былъ доносъ, на основаніи коего чиновникъ отряженъ, — онъ никогда не долженъ предполагать встрѣтить виновныхъ, а обязанъ добросовѣстно изслѣдовать факты и обстоятельства до малѣйшей подробности, и замѣчать все, обращая вниманіе не только на доказательства, но и на оправданіе, и донося обо всемъ съ безпристрастіемъ, собственное же мнѣніе о винѣ и невинности долженъ онъ подать только тогда, когда сего потребуютъ. Ему не надо забывать, что онъ орудіе правительства, что его дѣйствія и поступки, поступки и дѣйствія правительства, и что сохраняя собственную честь и достоинство, онъ поддерживаетъ величіе и достоинство правительства, въ отношеніи къ подсудимому и къ мѣстнымъ начальствамъ, находящимся не въ маломъ затрудненіи отъ его появленія. Но каждый легко пойметъ, что довѣренность къ мѣрамъ правительства должна изчезнуть, что страхъ и безпокойство овладѣютъ сердцами всѣхъ, если, по несчастію, выборъ падетъ на чиновника съ пред-

разсудками, на невѣжду съ дурнымъ нравомъ, или даже, на доступнаго подкупу.

Инструкціи, даваемыя отряжаемому чиновнику, должны быть простыя, краткія и ясныя, касающіяся только сущности того, что онъ долженъ выполнить, — съ предоставленіемъ рѣшенія его уму и свѣдѣніямъ. Подробныя наставленія съ наказами разнаго рода часто могутъ озадачить чиновника, если онъ намѣстѣ встрѣтитъ факты и лица, соприкосновенные дѣлу, но не обозначенные въ данномъ ему наставленіи,

9.

Между вышесчисленными нравственны-ми качествами чиновника не упомянуто повиновенія къ начальникамъ, ихъ приказаніямъ и распоряженіямъ, но это разумѣется само собою, какъ первая обязанность подчиненнаго. Однакожъ никогда не должно требовать и оказывать повиновенія по службѣ до такой степени чтобы оно, нарушая предѣлы долга и чести, превращалось въ безотчетное рабство. Подчиненнаго не должно лишать яснаго сознанія въ томъ, что повелѣваемое справедливо, благо и полезно правительству. Въ противномъ случаѣ, приказаніе чиновника, лишив-

шагося внезапно ума или сдѣлавшагося измѣнникомъ, можетъ причинить величайшее несчастіе. Лучшимъ доказательствомъ сему служитъ заговоръ *Малета*. При загадочныхъ, непонятныхъ повелѣніяхъ, чиновникъ долженъ, съ опасеніемъ навлечь на себя негодованіе, скорѣй просить поясненій, чѣмъ безотчетно исполнять предписанное; — при политически преступныхъ, присяга, честь и совѣсть требуютъ неповиноваться, даже съ опасностію жизни.

10.

Каждый чиновникъ обязанъ неослабно смотрѣть за быстрымъ и точнымъ отправленіемъ должности, порядкомъ и правильностію въ канцелярскихъ дѣлахъ и счетоводствѣ, а начальникъ не долженъ требовать слишкомъ строгой формальности, которой многіе придерживаются для одного наружнаго вида, и отнюдь не подавлять самостоятельности подчиненныхъ ограничивающими предписаніями, касающимися самыхъ незначительныхъ подробностей.

Всякое присутственное мѣсто (collegium) образуетъ собою умственное цѣлое, находящееся въ безчисленныхъ соотношеніяхъ съ

другими; — совершенствуясь, должно оно, при вліяніи на прочія присутственныя мѣста, стараться и о дальнѣйшемъ развитіи, самомъ совершенствованіи сихъ послѣднихъ. Если наблюдать слишкомъ строгую формальность, то все дѣлопроизводство вскорѣ обратится въ безмысленный механизмъ, препятствующій умственному развитію каждаго должностнаго лица. Чиновникъ, занимавшійся долгое время въ такихъ мѣстахъ, обыкновенно дѣлается, къ уничиженію человѣчества, односторонним и пошлымъ орудіемъ, исполняющимъ слѣпо и вещественно только свой долгъ, наконецъ, дѣлается способнымъ, подобно тому жалкому невѣжѣ, подписать свой смертный приговоръ, предложенный ему, въ шутку, для перебѣленія.

Высшій чиновникъ, уважающій въ самомъ себѣ человѣческое достоинство, будетъ уважать оное и въ другихъ, ввѣренныхъ его покровительству, предоставляя имъ случай развить свои душевныя силы занятіемъ, требующимъ размышленія, наставляя ихъ и истребляя предразсудки. Наградою таковыхъ стараній не одно собственное сознаніе но и почтеніе, уваженіе подчиненныхъ.

11.

Всѣ должности замѣщаются или непосредственно правительствомъ, или выборомъ отдѣльныхъ обществъ, сословій и т. п.

По изложеніи цѣли и значенія чиновническаго быта, и необходимыхъ физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ качествъ должностнаго лица, всякій пойметь, сколь значителенъ фактъ опредѣленія къ должности, и сколь важно для общества и всего государства, чтобы каждая должность, отъ высшей до низшей, замѣщалась людьми способными и совершенно понимающими кругъ своей дѣятельности.

Ни связи, не родство или дружба, ни состраданіе къ слабымъ старцамъ или малолѣтнымъ дѣтямъ, ни богатство или привлекательная наружность и т. п. не должны имѣть вліянія на замѣщеніе должности.

Этого желаютъ благонамѣренный Государь и мудрое правительство.

12.

Увольненіе чиновника отъ службы — не упоминая смерти и тѣлеснаго разслабленія — слѣдуетъ по прошенію его, или безъ онаго.

Въ первомъ случаѣ прошеніе можетъ быть добровольное или вынужденное. Вынужденное прошеніе есть всегда слѣдствіе неудовольствія начальниковъ службою чиновника, и даннаго ему по сей причинѣ совѣта просить объ увольненіи. Если для каждаго полезно, безъ дальнѣйшаго, слѣдовать такому совѣту, по безпристрастномъ испытаніи самаго себя и сознаніи своей вины, то каждый обязанъ, по чувству чести и долга, не обращать вниманія на подобный совѣтъ, коль скоро онъ убѣжденъ въ своей невинности, и долженъ лучше подвергнуться суду и слѣдствію, чѣмъ малодушно и безъ защиты выдавать должность, ввѣренную ему правительствомъ — оставляя оную можетъ статься по поводу нерѣшительности, предразсудка или даже тайныхъ козней, злобы и коварства, имѣющихъ въ виду твореніе своего выбора для замѣщенія открывающейся ваканціи.

Увольненіе чиновника, безъ его прошенія, есть слѣдствіе отмѣненія должности, или оно вынуждено законами и рѣшеніемъ соотвѣтственнаго судилища, которое приговорило виновнаго къ отрѣшенію отъ службы.

2007096429